

ЗЕРКАЛО

Когда я иду длинными, грязными московскими подземными переходами и вижу забытые разнообразным товаром книжные прилавки, то задаюсь вопросом: «Что же сегодня может пользоваться успехом у когда-то самой читающей, а ныне, наверное, самой пресыщенной и равнодушной к печатному слову разнухавшей нашей аудитории?»

И каждый раз вспоминаю «Невозвращенца» Александра Кабакова. Действительно, нет сейчас в России более популярного писательского имени, никто не может похвастаться такой бешеной раскупаемостью своих книг. На презентации последнего романа Кабакова «Сочинитель» автор дал более ста автографов, подписывая обложки здесь же продававшегося по тройной цене «Невозвращенца», вышедшего уже, если не

ходили на Пушкинскую, к зданию «МН», чтобы услышать сводку событий, передаваемую прямо из газеты: редакционные грузчики, оказавшиеся к тому же рокменами, одолжили журналистам свою аппаратуру — микрофон и две колонки. Понятно, что на площади чаще всего звучал голос автора «Невозвращенца». Он, предугадавший грядущие социальные катаклизмы, теперь осмыслил и препарировал их в реальности, документально констатируя ход трагических событий. Он описал наш страх и безысходность еще три года назад, и, прочитав «Невозвращенца», мы частично преодолели в себе эти мерзко-липучие чувства.

Дорога к Белому дому, по которой мы шли в течение трех дней, и есть путь герся кабаковской антиутопии к неведомой Пло-

МОСКОВСКАЯ НОВОСТЬ

ошибаюсь, пятым изданием. К концу вечера я еле успела ухватить случайно оставшийся экземпляр. Зал был полон, во всех углах горели огоньки телекамер, многочисленные журналисты акклиматизировались, записывали чуть ли не каждое слово виновника торжества.

Феноменальный, потрясающий успех, сногшибательная популярность! Правда, у читателей. Критика же, во всяком случае, отечественная, в массе своей обходит Кабакова горделивым молчанием.

Что и понятно. Проза Кабакова, простая и незамысловатая на первый взгляд, столь пронизана иронией, что определить, в какой эшелон литературы ее поместить, довольно трудно. Нестандартна и сама личность писателя. В его облике нет ни печати партийной надменности, свойственной нашим прошлым совклассикам, ни мрачной непромытости вышедших из подполья, ранее неизвестных сочинителей, ни тем более неясной глубокомысленности «деревенщиков».

Это изящный, модно одетый человек, предпочитающий хорошие виски и американские сигареты. Он любит друзей, появляется в различных тусовках, знаком с половиной города, живет в старой небольшой квартире, а не в писательских заповедниках, не имеет автомобиля и по-прежнему, невзирая на славу, ежедневно ходит на работу в редакцию «Московских новостей», успевая написать хоть сто строк в каждый номер газеты. По установленной традиции, большие русские писатели никогда не работают или занимают sinecure посты.

В революционные августовские дни москвичи, лишенные информации, при-

ходили через центр города, прилегающими переулочками, сквозь множество дворов, так хорошо знакомых коренным москвичам, родившимся и прожившим лучшую часть жизни в огромных коммунальных домах Петровке, Тверской или Калужской.

Кабаков обожает Москву и может пройти ее с закрытыми глазами. Он сам дитя этого города, московский стиль и джазмен, тусовщик застоя, лихой репортер столичных газет в отделах криминальной хроники.

И если, как принято, говорить о слагаемых успеха, то вот они, все эти слагаемые — фантастическая достоверность в описании среды, помноженная на взгляд московского интеллигента, взгляд ироничный, несколько отстраненный и болезненно — пронзительный.

Популярность кабаковской прозы исходит из ее индивидуальности. Эта полудетективная литература, в которой всегда преобладает острый сюжет, доступен каждому. В ней есть та удивительная многослойность, обращенная ко всем срезам общества, что, собственно, и делает литературу Кабакова с одинаковым упоением может читать лохматый пэтэушник и сноб-интеллектуал. И тот, и другой снимет свой слой и не поймет или не пожелает понять следующий.

В какой-то мере это литература постмодернизма, с его нарочитой эклектичностью, принципом отражения отражения, существования в системе зеркал.

Кабаков не читает проповеди, а собирает, как мальчик Кай, разбросанные осколки и, сложив мозаику, говорит о вечном.

Нравственное, поэтическое так драматично складыва-

АВТОГРАФ

Александр КАБАКОВ

О СООТНОШЕНИИ ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВА В ЛЮБВИ И АРХИТЕКТУРЕ

И тут я понял.

Я сидел в гигантском, как немецкий вокзал, зале провинциального гостиничного ресторана. Отчаянно плясали местные завсегдатаи — чеченцы в итальянских кожаных куртках и шелковых спортивных шароварах; рано оплывавшие подполковники в расстегнутых форменных рубашках и галстуках, свешивавшихся с зажима; начальники в потных тройках и тяжелых туфлях; случайные в любом месте жизни люди с остановившимися глазами ни на миг не трезвующих круглосуточных алкоголиков; дамы с пышными волосами, ловко двигавшиеся, сохранявшие величавость в непристойных движениях самодельного рок-н-ролла; девушки с плохой кожей и обворожительной мимикой... И прочие все.

На эстраде были певица и пятеро с музыкальной электроникой. Певица кричала про есаула, оставившего своего коня чужаку — видать, Троцкому, и про казака, имевшего возможность гулять, пока был батюшка-царь Николай. И только эти чуждые тексты напоминали, что стоит вечер постперестройки.

Все же остальное было, как десять лет назад, под листья желтые, кружившиеся над городом; как под миллион алых роз; как под соль на раны — как всегда. Да мы непримиримо смотрели кавалерам в глаза и подмывали в танце с полной достоверностью. Кавалеры старательно осуществляли фигуры танца, не забывая при этом надвигаться на дам с полной готовностью.

Гуляла моя страна, и я в которой раз понял, что люблю ее.

Конечно, я кривил иронически рот, и текст меня смешил, и музыка; и пляскам я умилялся вроде бы снисходительно, со стороны, как и подобает старому стиляге и актуальному столичному льву. Пил дурную чашу, неаккуратно замаскированную под коньяк, закусывал все еще восхитительными местными хлебом и помидорами, брезгливо резал кусок хрящеватого жира, представленный лангетом, поправлял парижский шелковый галстук — и снисходил.

Но ведь и любил по-настоящему, вот в чем штука! И понимал, что люблю именно потому, что и сам могу пойти танцевать, и с подполковником выпью, и поговорю, и вот эту — взмокшую, в фирменной маечке с нелепой и невероятной здесь надписью «Пасадена, май дрим», в белых взбитых кудрях, утконосую и низкорослую — обниму, и почувствую, и пойму сразу, в миг, и она поймет и почувствует тоже.

Впрочем, с мужиками может быть и сложнее.

Ну почему, почему — спрашивал я себя, глядя в муть за овальным, полуприкрытым выдвижной шторкой окошком самолета, уже снижавшегося через несколько часов над раннеутренней Москвой, — почему нигде в мире я не испытываю ничего подобного! Почему ни-

ваются отношения с кинематографом. Две лучшие вещи — «Невозвращенец» и «Линда с хлопками» (фильм называется «10 лет без права переписки») были вконец испорчены в экранном воплощении. Каждый из режиссеров (как и читатели!) ухватил свой слой, и, к сожалению, только один. И если проза Кабакова есть преломление «высокой» трагедии в зеркале низкой мифологии жанра (как удачно подметил один из критиков), то кинематограф использует лишь особенность жанра, примитивно переводя на язык экранно-социально-романтические изыски повестей.

Особенно печальная судьба постигла «Невозвращенца», ставшего бестселлером во всем мире. Страшная сказка, родившаяся в страшные времена из слухов, наполнявших московские дворы, превратилась в кино в грубый лобовой плакат, задавивший прелестные недомолвки прозы. История с «Невозвращенцем» отравила Кабакова от работы в кино. Он зарекся писать сценарии, и кинематографисты могут рассчитывать ныне только на приобретение прав на экранизацию. Но и эти неудачные картины не способны преуменьшить сокрушительный успех писа-

теля — лишь добавляют еще один штрих к сильно подмоченной репутации нашего кино и сподвигнут разочарованного зрителя еще раз перечитать кабаковские бестселлеры.

Ну вот, пожалуй, все о сегодняшней славе Александра Кабакова, чьи книги вы с трудом приобретете на заваленных товаром московских прилавках. Пока все о моем приятеле Саше Кабакове, безмерно возмущившемся, что я пишу эти заметки. «Я не Брежнев», — сказал он мне по телефону, — чтобы меня все время славословить...»

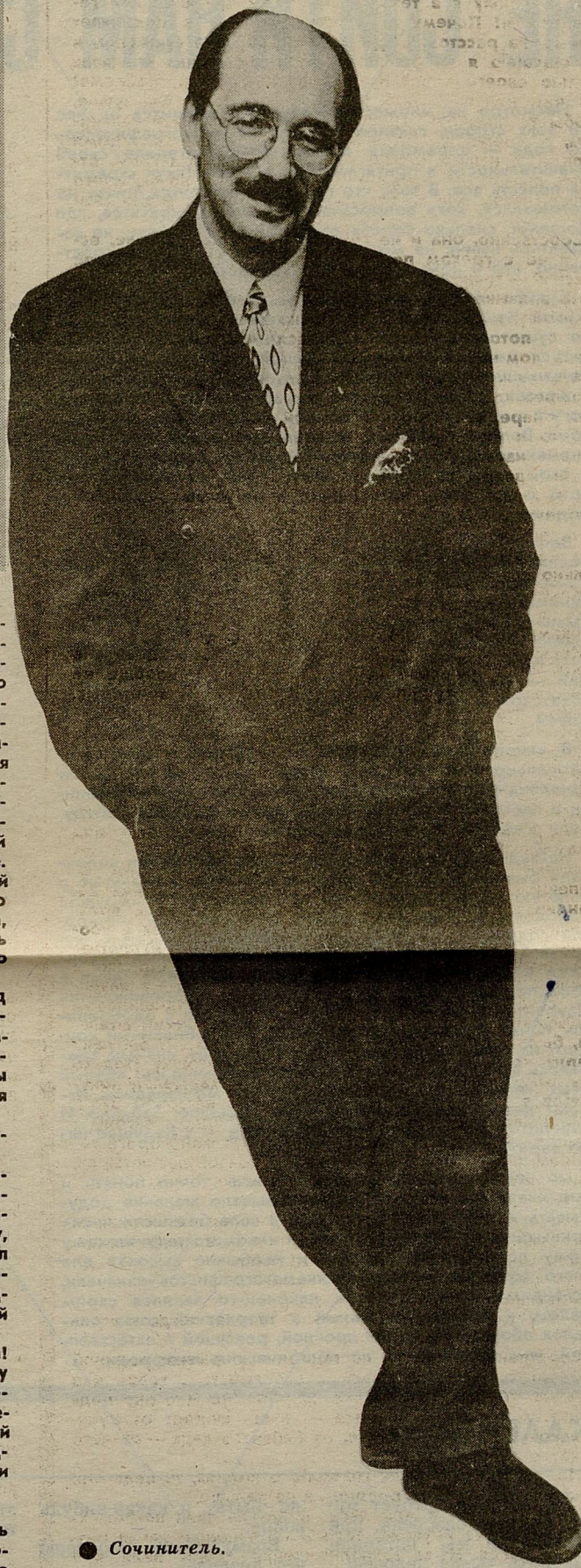
Он действительно не

Брежнев, хотя оба они написали по три произведения крупной формы, переведенные на множество языков. Разница лишь в том, что популярность писателя Брежнева определяли миллионы красных комиссаров и вся государственная машина, а успех литератора Кабакова — само время, взорвавшее этот чудовищный механизм.

Правда, мы уже устали от «ромовых раскатов», и предсказатель Кабаков поэтому придумал «Сочинителя» — нежную повесть о любви.

И снова ответил нам всем.

Елена БОКШИЦКАЯ.

● Сочинитель.

Фото Олега Иванова.